

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133

Научная статья / Research article

Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra

С.В. Володенков^{1,2} , С.Н. Федорченко^{1,2,3} , Н.М. Печенкин^{1,4}

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Российская Федерация

⁴ Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. Глобальные технологические трансформации ключевых сфер жизнедеятельности современного общества, формирование и активное функционирование глобальных и национальных цифровых институтов, оказывающих влияние на актуальные социально-политические процессы, цифровизация социальных отношений формируют запрос на комплексные научные исследования процессов цифрового влияния на развитие и функционирование современных общественных систем. Настоящее исследование нацелено на рассмотрение проблемы взаимосвязи цифрового и мировоззренческого аспектов функционирования современных обществ. В связи с этим основным вопросом стало определение степени и характера влияния процессов цифровизации, а также непосредственно цифровой среды и цифровых институтов на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивида. Данный исследовательский вопрос непосредственно связан с изучением феномена общественного согласия в условиях формирования цифровой полиментальности. Для решения поставленного в работе вопроса авторами был проведен дискурс-анализ существующей научной литературы по теме соотношения цифровизации и мировоззрения в логике Pro et Contra, а также организовано международное экспертное исследование, позволившее выявить основные экспертные позиции по теме исследования, а также ключевые риски, угрозы и вызовы в сфере сохранения традиционного мировоззрения и достижения общественного согласия на основе единства ценностно-смысловых и мировоззренческих представлений индивидов. В качестве главного вывода работы выступает обоснованная результатами исследования принципиальная неоднозначность пози-

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ций ученых и экспертов в оценке степени и характера влияния цифровизации, цифровой среды и цифровых институтов на содержательные параметры мировоззрения современного человека, а также неоднозначность характера формируемых и поддерживаемых в цифровой среде ценностно-смысловых установок.

Ключевые слова: мировоззрение, общественное согласие, ценностно-смысловые установки, цифровая среда, цифровые институты, алгоритмы, технологический детерминизм

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 113–133. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>

Благодарности: Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта «FZNF-2022–0001 — Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Influence of the Digital Environment on the Contemporary Worldview: Pro et Contra

Sergey V. Volodenkov^{1,2} , Sergey N. Fedorchenko^{1,2,3} ,
Nikolai M. Pechenkin^{1,4}

¹ *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³ *National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation*

⁴ *Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. Global technological transformations of key areas of life of contemporary society, the formation and active functioning of global and national digital institutions that influence current socio-political processes, and the digitalization of social relations form a demand for comprehensive scientific research on the processes of digital influence on the development and functioning of modern social systems. This article is aimed at considering the problem of the relationship between digital and worldview aspects of the functioning of modern societies. In connection with this, the research issue was to determine the degree and nature of the influence of digitalization processes, as well as directly the digital environment and institutions on the content aspects of the individual's worldview. This research question is directly related to the study of the phenomenon of public consent in the context of the formation of digital polymentality. To answer the research question posed in the paper, the authors conducted a discourse analysis of the existing scientific literature on the relationship between digitalization and worldview in the pro et contra logic. An international expert study was also conducted, which made it possible to identify the main expert positions on the study, as well as the key risks, threats, and challenges in the field of preserving the traditional worldview and achieving public consent based on the unity

of value-semantic and worldview ideas of individuals. The main conclusion of the paper is the fundamental ambiguity of the positions of scientists and experts, justified by the results of the study, in assessing the degree and nature of the influence of digitalization, the digital environment and institutions on the content parameters of the worldview of a modern person, as well as the ambiguity of the value-semantic attitudes formed and maintained in the digital environment.

Keywords: worldview, public consent, value-semantic attitudes, digital environment, digital institutions, algorithms, technological determinism

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Influence of the digital environment on the contemporary worldview: Pro et Contra. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 113–133. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>

Acknowledgements: The study was carried out at the State Academic University for the Humanities within the framework of the project «FZNF-2022-0001 — Possibilities and Features of Worldview Formation in the Digital Environment» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Введение

Возникновение и развитие цифровой среды, включающей не только технологии, но и новые феномены, формы коммуникации и соответствующие им эффекты, связано с существенными изменениями социально-экономической, культурной и политической жизни современных граждан. Важным аспектом таких изменений, по нашему мнению, является локализация глобальных технологических процессов и трендов, изменяющих ценности существующих обществ.

О чрезвычайной важности и актуальности вопросов соотношения мировоззренческого и цифрового, проработки нюансов ценностной нейтральности алгоритмов, нейронных сетей, искусственного интеллекта, социальных сетей Интернета, метавселенных свидетельствует возникший в свое время академический спор о феномене эхо-камер (к примеру, если К. Санстейн и его последователи стараются его обосновать, то их критики — Р. Флетчер, Р. Нельсен и др. — с ними склонны не соглашаться).

Ключевой проблемой, включающей вопросы взаимосвязи цифрового и мировоззренческого, является феномен общественного согласия, а также его достижение посредством применения новейших цифровых технологий и коммуникаций в условиях полиментальности (термин В.Е. Семенова) — множественности менталитетов в одном социуме. По-прежнему недостаточно ясно, к чему приведет, к примеру, развитие сетевых сообществ — торжеству каких-то одних ценностей или углублению социально-культурной поляризации, препятствующей общественному согласию [Семенов 2015].

К сожалению, пока нет исследований, выявляющих возможности и ограничения того же Интернета вещей для поддержания высокого уровня общественного согласия при одновременном сохранении полиментальности социальных групп. Хотя очевидно, что такие исследования уже назрели. Так, Э. Бернейс утверждал, что важнейшим «...моментом инженерии согласия, стимулирующей социальные действия, выступают коммуникации» [Бернейс 2013].

Между тем необходимо со всей осторожностью подходить к уже существующим готовым моделям формирования общественного согласия, слепое заимствование которых может привести к созданию манипулятивных механизмов на цифровой основе и к самым драматическим последствиям. Тот же Бернейс признавал, что его модель инженерии согласия не всегда нацелена на выработку совместных решений, основанных на понимании фактов большинством людей. Такая модель «инженеров согласия» приспособлена под лидеров, элиту, но пренебрегает интересами и проблемами остальных, недостаточно просвещенных политически и технологически.

Взвешенная и методологически выверенная оценка этой проблемы должна помочь ответить на ряд ключевых вопросов. Какие существуют в научных кругах тезисы, однозначно признающие уникальное воздействие цифровой среды на мировоззренческую картину? Какие доводы, наоборот, отрицают это воздействие? С этой целью в настоящей работе будет сделан соответствующий теоретический обзор. Кроме того, дополнительное обращение к экспертной проверке позволит проверить гипотезу о том, что алгоритмы ценностно не нейтральны и обладают потенциалом влияния на мировоззренческие представления людей.

Гипотеза и методология исследования

В настоящей работе в качестве основного выступает исследовательский вопрос о том, влияют ли и как именно влияют процессы цифровизации, а также непосредственно цифровая среда и цифровые институты на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивида.

С целью формулирования обоснованного ответа на поставленный исследовательский вопрос авторами статьи был применен метод дискурс-анализа научных источников по теме исследования, а также организован международный экспертный опрос «Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде».

В сентябре-октябре 2022 г. авторами были опрошены 26 экспертов в сфере цифровизации современной политики из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Беларусь, Болгарии, Республики Узбекистан, Киргизской Республики, Хорватии, Боснии и Герцеговины. В ходе проведения экспертного опроса участникам было предложено ответить как на открытые, так и на закрытые вопросы. В дальнейшем количественные оценки были подвергнуты процедуре комплексирования, а качественные оценки использовались для формирования комплексного обоснования количественных результатов исследования.

Pro: тезисы, признающие воздействие цифровой среды на мировоззрение

Большинство тезисов, признающих цифровую сферу как пространство и фактор изменения мировоззренческой картины, происходят от идей, концептов, гипотез, пересекающихся с социологической установкой технологического

детерминизма, изложенной в работах Т. Веблена, К. Эйрса¹. Писавший в стиле жесткого технологического детерминизма Ж. Эллюль отмечал, что техника тоталитарна, так как подавляет множественность, преобразует традиционные практики, распространяя в обществе принципы рациональности, искусственности (подчинение, разрушение природы), автоматизма, самоумножения технических достижений, целостности, универсализма и, наконец, автономии [Ellul 1964]. Люди начинают приспосабливать собственные социальные условия под свои же технологии (идеи Эллюля поддержал Р. Мертон, раскритиковали — А. Боргманн, К. Лэш и Е. Морозов).

Отдельные же представители мягкого технологического детерминизма (к примеру, американский социолог У. Огборн) считают, что из-за культурного отставания от технологических инноваций люди вынуждены постоянно приспосабливаться к такого рода изменениям. На деле технологический детерминизм претендует на статус «теории всего» (как теория струн Л. Сасскинда и др., теория вселенной-нейросети В. Ванчурина, объектно-ориентированная онтология Г. Хармана и др.). Проблема всех таких «теорий всего», в том числе и политологических, — адекватное параллельное объяснение микро- и макроуровня явлений, процессов.

Предположение о том, что цифровая среда предполагает сложное, противоречивое и неоднозначное влияние на систему мировоззрения высказал в своей книге «Введение в медиалогию» Р. Дебрэ, постаравшийся уйти от технологического детерминизма. С одной стороны, французский мыслитель признавал факт существования особого «технического мировоззрения», включающего проекцию необратимости технического прогресса, обуславливаемого тем, что техническая стандартизация не является нейтральной.

Техносфера у Дебрэ посредством интерфейсов заставляет людей унифицировать свои практики, способствует межэтническому и межкультурному смешиванию, тяготеет к созданию одной-единственной мегасистемы, тогда как культура, наоборот, увеличивает набор различий (при этом он вспоминает тезис П. Леви о том, что технические инновации не являются императивным фактором, хотя и создают возможности для возникновения культурных форм). Вместе с тем Дебрэ связывает влияние технологии на мировоззрение с «эффектом бега трусцой» — за каждым технологическим «скачком вперед» может следовать ментальный «скачок назад» (к примеру, на галопирующую унификацию техносреды появляется реакция — «политико-культурная балканизация») [Дебрэ 2010: 101, 298–312].

Видение Дебрэ диаметрально противоположно технодетерминистской концепции «эпистемологических сдвигов мировоззрения» [French 2016], которая делит человеческую историю на три эпистемологических этапа (домодернист-

¹ Британский исследователь Д. Чендлер к технологическим детерминистам относит швейцарского архитектурного критика З. Гидиона, американского культуролога Л. Уайта, представителей Торонтской школы коммуникаций Г. Инниса и М. Маклюэна. См.: Chandler D. Technological or Media Determinism. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/tdet11.html> (accessed: 07.11.2022).

ский, модернистский и постмодернистский), во время которых технологические трансформации (введение печатного станка, телевидения, Интернета и т.п.) приводили к мировоззренческим метаморфозам.

Г. Ловинк в своей критической теории подошел к проблеме несколько нестандартно, описав особую социотехническую реальность, создаваемую из сферы социального и технического программистами². Нидерландский ученый отмечает, что в то время, как элита наслаждается офлайном, большинство групп населения начинает подчиняться коммуникативной логике Интернета, а принципы децентрализации социальных сетей глубоко проникают в культуру, трансформируя отношения власти в современных политических движениях. Цифровые корпорации влияют на мировоззрение, продвигая в социальных сетях стратегии бесконечного шеринга, апдейта, пассивно-агрессивного поведения, формируя «слабые связи» между людьми, препятствующие их настоящей политической коллаборации.

Большую роль в мировоззренческих сдвигах Ловинк отводит технологиям IoT (Интернета вещей), пересматривающим политику конфиденциальности данных, разрушающим саму пользовательскую культуру посредством принципа распределенной приватности, перемешивающим интересы граждан, их групп, корпораций [Ловинк 2019: 208–209]. По логичной оценке Ловинка, кто соединит цифровые точки доступа («умные вещи», «умный дом», «умный город»), тот и будет обладать властью в сетях³. Интернет вещей открывает неизведанное поле «объектно-ориентированной политики» в понимании Б. Латура и Г. Хармана, где нечеловеческие объекты начинают играть важнейшую роль [Харман 2021: 142].

Встречается мнение, что технологии Интернета вещей как раз усиливают влияние компьютеризации на ценностные установки людей: в виде повседневных стереотипов распространяются новые «культурные программы» — культура предусмотрительности («умные вещи» запрограммированы на предупреждающую передачу рисков о состоянии дома — коммуникаций, параметров противопожарной безопасности, температуры, влажности, наличия микроорганизмов, грибков), закрепляются традиции инициативного, безвозмездного труда на благо общества (что видно на примере редактирования свободного программного обеспечения).

В то же время углубляемая IoT компьютеризация способствует «ампутации» некоторых человеческих способностей (расчеты задач в уме, замена реального общения на виртуальное), что может накладывать отпечаток на процесс воспроизводства мировоззрения [Карпенко 2016]. Интернет вещей снимает проблему зависимости человека от дистанции интерфейсов, которые превращаются в технологическую среду обитания людей. Прежние культурные практики, формы

² Очень схожие попытки по объяснению феномена социотехнической реальности предпринимались Б. Латуром, А.В. Резаевым, И.А. Исаевым и другими исследователями.

³ Такой тезис Г. Ловинка, по нашему мнению, не просто обладает провокативным характером, он заставляет корректировать теорию сетевой власти М. Кастельса.

общения становятся экзотикой, зато появляются новые цифровые ритуалы (лайки, сторис, селфи, комментарии, репосты и др.). Постепенно меняется восприятие даже такого устойчивого политического института, как государство: если раньше оно связывалось с коридорами, очередями, бумажной документацией, то теперь к этому образу добавляется метафора мультиагентной нелокализованной системы, сетевой функционал мобильных приложений, веб-порталов [Барышников 2015].

Сама оценка влияния цифровизации на ценности неоднозначна. Работы о проайретических интерфейсах (интернет-мемы, фото, видеография) свидетельствуют о том, что цифровые технологии задают условия для коллективного творчества [Деникин 2019]. Другие же авторы бьют тревогу по поводу возникновения «новой алгоритмической идентичности» из подконтрольных алгоритмам пользователей [Cheney-Lippold 2011]. Тем самым работы показывают многогранность, неоднозначность технологических условий для развития индивидуального либо коллективного в ценностной повестке.

Многообещающим объяснительным потенциалом для глубокого теоретического осмысления мировоззренческих последствий технологических трансформаций, на наш взгляд, обладает теория дрона французского исследователя Г. Шамаю. Согласно этому концепту, массовое внедрение телеархических систем с дистанционным управлением провоцирует не только социально-политические, но и ценностно-этические метаморфозы.

Политические изменения происходят вслед за внедрением данных дистанционных технологий и касаются возникновения специфической модели «государства-дрона», действующего наподобие охотника, для которого место, где возможно насилие, ограничивается лишь присутствием врага-добычи (что видно на примере так называемого эффекта kill box — практики расширения «охотничьего угодья» как автономной зоны временного истребления врага в любом месте) [Шамаю 2020: 65–68]. В основе такой модели государства лежат практики инвазивной власти, обнаруживаемой не в завоевании, а в преследовании.

Государство-дрон подвергает классический суверенитет изрядной ревизии, — границы других государств проницаемы со стороны его «императорских облав». Вертикализация власти влияет на переход от двумерных генштабовских карт к объемной геополитике. Суверенитет из плоского и территориального состояния смещается в трехмерный формат. Из-за дронизации (одновременных цифровых и политических изменений), по мнению Шамаю, происходит эволюция от этики самопожертвования и отваги к этике самосохранения [Шамаю 2020: 115].

Шамаю приводит доводы в пользу зарождения гумилитаристской власти на базе особой некроэтики дрона с доктриной «достойного убийства», согласно которой дистанционно отнимать жизни, не рискуя при этом своей жизнью, хорошо. Но исследователь предупреждает, что в этом случае агент, действующий в условиях минимального для себя риска, сам склонен к более рискованному поведению в отношении своего противника.

Технологии автономных систем и тренды роботизации уже порождают мировоззренческий раскол в академической среде: если эксперт по робо-

технике из Технологического университета Джорджии в Атланте Р. Аркин и исследователь из Университета Вандербильта в Нэшвилле Э. Шехтер оправдывают их активное внедрение большей надежностью, эффективностью, беспристрастностью, гуманностью, снижением потерь среди мирного населения во время конфликтов, то исследователь искусственного интеллекта и робототехники из Шеффилдского университета Н. Шарки категорически выступает против этого, опасаясь, что ошибки таких систем в различении мирного жителя и вражеского солдата приведут к фатальным последствиям [Искусственный интеллект... 2019: 170–172]. Миф об этичном роботе скрывает экзистенциальные угрозы снижения моральной и политической ответственности.

Дистанционный формат меняет у представителей государства и само восприятие врага. Теперь враг — это не тот, над которым нужно одержать вверх как над политическим противником, а «аберрантный индивид» — опасная личность, обреченная на арест или даже уничтожение как преступник⁴. Поэтому государство-дрон, согласно Г. Шамаю, уделяет большое внимание технологиям автоматического обнаружения аномальной активности, так как любая активность в Интернете начинает соотноситься алгоритмами с признаками идентичности.

Статус комбатанта не просто размывается и становится все более неопределенным, дистанционные системы не исключают соотнесения таких комбатантов с нонкомбатантами, политическими активистами и любыми оппозиционерами, означая мировоззренческий сдвиг от эпистемологии суждения на базе фактов к эпистемологии подозрения. При «деперсонификации силы» машины способны сражаться с машинами без ввода войск на чужую территорию, а значит, вступление в войну будет слишком простым шагом для государств. Войны могут стать более затяжными, сдерживающими послевоенное восстановление инфраструктуры [Искусственный интеллект... 2019: 171].

Contra: доводы, отрицающие изменение мировоззрения под влиянием цифровизации

Доводы, отрицающие влияние цифровой среды на мировоззренческие картины, также приводятся самыми разными исследователями. Часто их критический анализ выстраивается на основе определения причин и особенностей техноутопических идей. Ведь, по сути, варианты технологического детерминизма претендуют на разные сценарии цифровой утопии. Возможно, некоторые из них станут основой для очередной политической утопии.

⁴ В таком понимании нет принципиально новой идеи. Г. Беккер в своей известной работе «Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности» хорошо описал завуалированные приемы контроля, базирующиеся на практике навешивания ярлыков на оппонентов. И все же Г. Шамаю предпринял примечательную попытку связать технологические и политические изменения, а также выявить этико-мировоззренческие последствия таких изменений.

Русский философ Н.А. Бердяев, кстати, еще в начале XX в. не соглашался с тезисом о безусловной ценностной трансформации человека по причине технологий: «Не машина, а человек виновен в страшной власти машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился... Машинизм есть лишь проекция этой дегуманизации» [Бердяев 1933: 33–34]. Профессор Д. Чендлер из Университета Аберистуита перечисляет признаки технологического детерминизма, которые могут вызывать критику: редукционизм (сведение сложного к простому), перенос механистичных моделей на социальные явления, реификация (овеществление технологии), автономия технологий, технологический императив (прогресс технологий неизбежен), схожий тезис техноэволюции как социального прогресса, определение ценностной нейтральности технологий, универсализм⁵.

Основоположник кибернетики Н. Винер также высказывал довольно осторожные и взвешенные оценки на проблему технологических трансформаций для мировоззрения человека. В своей работе «Корпорация Бог и голем. Комментарий по поводу ряда проблем, возникающих при столкновении кибернетики с религией» ученый указывал на то, что с приходом технологий вера в магические силы никуда не исчезла. Наоборот, Винер уже в свое время описывал технических руководителей и инженеров, составляющих группу «машинопоклонников», разделяющих иллюзию о том, что автоматизация позволит снять с человека бремя решения трудных задач.

Винер усмотрел в мировоззрении таких машинопоклонников магическую основу: «Перед нами образ мышления, свойственный колдуну в полном смысле этого слова. Против таких колдунов предостерегают не только церковные доктрины, но и накопленный поколениями здравый смысл...» [Винер 2019: 239]. Воспроизводство такого магического мировоззрения в условиях цифровой среды подвергает большим рискам современное общество, так как оправдывает уход от личной ответственности за свои поступки.

Один из ведущих медиатеоретиков Л. Манович предлагает свою критику увлечения технологиями цифровой среды. Признавая специфику цифровых медиа (привязка к алгоритмам и софту, числовое представление, изменяемость, модульность, фрактальность, автоматизация), исследователь подчеркивает, что их логика соотносится с сущностью постиндустриального общества, в котором каждый гражданин может выбрать подходящую ему идеологию и создать свой особенный стиль жизни. Напротив, логика старых, традиционных медиа (печать, кино, радио, телевидение) была связана с природой индустриального общества [Манович 2017: 31], при котором граждане пользовались схожими благами и разделяли одинаковые убеждения.

Другими словами, цифровая сфера, по Мановичу, наоборот, ничего не унифицирует и предоставляет условия для существования разных типов мировоззрений, не навязывая какое-то одно из них. Такой тезис автор объясняет

⁵ Chandler D. Technological or Media Determinism. — Mode of access: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/tdet11.html> (accessed: 07.11.2022).

на примере: любой читатель гипертекста может получить собственную версию текста, а каждый пользователь — свой вариант веб-страницы, созданной из базы данных.

Цифровые элементы гарантируют пользователям, что их выбор не является заранее запрограммированным, определенным алгоритмами (правда, последние исследования Ш. Зубофф подвергают такую точку зрения сомнению). Описывая феномен культурного интерфейса, репрезентующего артефакты культуры посредством компьютерных технологий, Манович замечает, что в их основе сохраняются прежние культурные формы (прокрутка веб-страницы остается от традиции разворачивания, сворачивания свитка в Древнем Египте, Греции и Риме; экран компьютера и кинозала исходит от прямоугольной рамы картины эпохи Возрождения) [Манович 2018: 112–119]. Такое понимание переключается с моделью ремедиации Д. Болтера и Р. Грусина, видящих в новых медиа признаки, преемственность от традиционных медиа, у которых только добавилась интерактивность.

Е. Морозов в своей книге «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети» приводит критический разбор киберутопизма — убежденности в некоей особенной эмансипирующей сути сетевых коммуникаций, якобы помогающей политической оппозиции добиваться своих целей. Автор описывает так называемую «доктрину Google» — идею, преувеличивающую положительную роль в распространении демократических режимов. Морозов скептически оценивает метафоричный язык «киберстены», «информационного занавеса», так как это, по его мнению, только затеняет, но не объясняет, каким образом именно демократические ценности восторжествуют благодаря Интернету, ведь ресурсы последнего могут генерировать, транслировать и воспроизводить совершенно разные ценности, в том числе и недемократические.

Даже возникновению «доктрины Google», как полагает Морозов, способствовали вовсе не социальные сети и микроблоги, а завершение холодной войны, головокружение некоторых западных авторов от краха советской системы (к примеру, концепция «конца истории» Ф. Фукуямы) и последующее наделение Интернета уникальными способностями активации антиправительственных протестов и распространения потребительского образа жизни [Морозов 2014: 18, 31, 75].

С Интернетом вещей также не все так однозначно. Сложно спорить с тем фактом, что технологии IoT, связывая интерфейсы, человеческое и нечеловеческое, способны привести к существенным корректировкам прежних генераторов мировоззренческих картин — семьи, государства, социальных групп, партий.

Но, тем не менее, по оценке некоторых исследователей [Барышников 2015], даже на такую инновационную сферу, как Интернет вещей, также изначально распространилось мировоззренческое противостояние приверженцев совершенно разных подходов — сторонников открытого исходного кода и адептов закрытых защищенных цифровых систем. Аксиологическая основа внешне противостоящих друг другу техноалармистов и технооптимистов, по сути, берет свое начало в древнем мифе о Золотом веке [Там же]. Иными словами, в цифро-

вую среду переносятся уже имеющиеся в прошлом мировоззренческие проблемы и вопросы.

Вероятно, к технодетерминизму и кратковременному увлечению какой-либо «теорией всего» приводят не только важные и необходимые для общества фундаментальные научные открытия, но и параллельное внедрение некоторых «сквозных технологий» в социально-политическую и экономическую жизнь, провоцирующие исследователей обращаться к экстраполяции, форсайту и сценариотехникам.

Например, внедрение практик Big Data перенаправило технодетерминистов и техноутопистов на неоднозначные и рискованные интервенции в религиозное мировоззрение. Профессор В.Н. Лексин как раз в своей монографии проводит критический разбор датаизма — новой формы «цифровой религии», провозглашающей приход бога-суперкомпьютера, бессмертного сверхчеловека с паранормальными способностями (Homo Deus), превосходство электронных алгоритмов над биохимическими основами, сводящего понимание вселенной к потокам данных, а роль человека — к обработке этих данных [Лексин 2021: 251–257]. Подобные интервенции технодетерминизма, машинопоклонничества, машинизма в бердяевском смысле являются вызовом для традиционных религий, философий, политических идеологий и даже человека как такового. И они также не новы. Вспоминается, что фашистские эксперименты с идеей сверхчеловека в сочетании с созданием квазирелигии привели в прошлом веке человечество к довольно опасной черте.

В своей статье российский философ А.В. Горюнов обосновывает критику технологического детерминизма тем, что технология сама по себе не предопределяет характер общественных изменений, скорее, наоборот, технологические инновации, их направление зависят от социальных условий. Горюнов не отрицает возможность радикального технологического скачка, но, по его мнению, к серьезным последствиям приводит не просто технология как таковая, а технология, сопровождаемая исторически присущим ей социальным применением [Горюнов 2011].

С. Ллойд, физик-теоретик из Массачусетского технологического института, утверждает, что среди исследователей имеется технологическая переоценка безграничных возможностей технологий и той же идеи сингулярности. Во-первых, развитие технологий из-за закона Мура может достигать предела. Кроме того, обучение компьютеров является медленным и сложным процессом, при этом системы на глубинном обучении становятся более человекоподобными, а не наоборот: «Лучшие шахматисты мира — это не компьютеры и люди по отдельности, а люди, работающие вместе с компьютерами» [Искусственный интеллект... 2020: 36–38].

Из вывода Ллойда можно понять, что любую значимую мировоззренческую трансформацию нужно ждать не от конкретной технологии, элемента, эффекта цифровой среды, а от возникновения социотехнических систем («цифровых кентавров»), предполагающих слаженную работу людей, их групп с цифровыми интерфейсами, алгоритмами, искусственным интеллектом.

Полученные результаты экспертного исследования

В первую очередь, в рамках исследования респондентам было предложено определить, какие цифровые институты и акторы и как участвуют на сегодняшний день в процессах формирования современного мировоззрения человека. Эксперты сформировали широкий спектр ответов по данному вопросу, что позволяет сделать вывод о том, что цифровой фактор имеет существенное влияние на мировоззренческие системы.

Большинство принявших участие в экспертном исследовании участников придерживаются мнения о том, что цифровые институты в настоящее время — это не только удобные, комфортные и мобильные среды для разнообразных интеракций, но, главным образом, глобальная цифровая среда со своей ценностно-нормативной системой, символикой, «цифровым правом» (нормативный инжиниринг) и цифровой идентификацией, которые постепенно и устойчиво вытесняют социально-культурную идентификацию личности, традиционные общественно-политические формы организации и взаимодействия.

Цифровые институты все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (к примеру, акции несогласных с существующей повесткой дня), осуществляют управляемую консолидацию социальных интересов и потребностей, реинтерпретируют общественно-политические явления, события, процессы, социальные смыслы и ценности, а также активно принимают участие в общественной оценке событий, явлений и процессов.

Обращает на себя внимание экспертная позиция, в соответствии с которой в современном обществе цифровые институты стали доминирующим механизмом формирования мировоззрения человека. Если еще лет 20 назад Интернет просто ускорил и упростил получение информации, упростил коммуникацию и расширил диапазон источников информации, то в настоящее время у большинства индивидуумов в обществе просто нет иного выбора.

При этом цифровые институты сегодня не просто дополняют реальную практику, расширяя доступ человека к информации, но в значительной степени замещают реальную практику виртуальной, формируют иллюзорное мировоззрение. В результате, как отметил один из участников исследования, современная цифровая среда проникла и в повседневные практики, и в сферу профессиональной деятельности, и в область досуга, что не только кардинально меняет их формы, но и перестраивает сознание, включая мировоззренческие ориентиры людей.

Как итог — цифровые институты формулируют, транслируют и навязывают мнения и стереотипы поведения, функционируя в режиме просвещения и пропаганды, активно формируя представление о том, что цифровая среда является главной или единственной средой предоставления информации об окружающей действительности.

Вместе с тем цифровые институты, по мнению многих экспертов, имеют возможности оказывать прямое, хотя и скрытое влияние на формирование мировоззрения больших общностей за счет манипулирования контентом и в соответствии с политическими интересами заказчика (бенефициара, субъекта

управления). Степень такого рода влияния и воздействия на общество по мере развития соответствующих технологий принципиально возрастает.

Весьма примечательно, что при общей оценке ценностно-смысловых установок, формирование которых поддерживает современная цифровая среда, значительная часть экспертов склоняется к мнению о том, что это в первую очередь индивидуалистические установки, и в значительно меньшей степени коллективистские, что приводит нас к выводу о том, что цифровая среда на сегодняшний день не способствует явным образом общественной консолидации и обеспечению общественного согласия, выступая скорее фактором ценностно-смыслового раскола и поляризации индивидов (рис. 1).

Однако, следуя заданной нами логике Pro et Contra, необходимо отметить и наличие позиции, указанной рядом респондентов, в соответствии с которой цифровая среда обеспечивает формирование и поддержку коллективистских ценностно-смысловых установок.

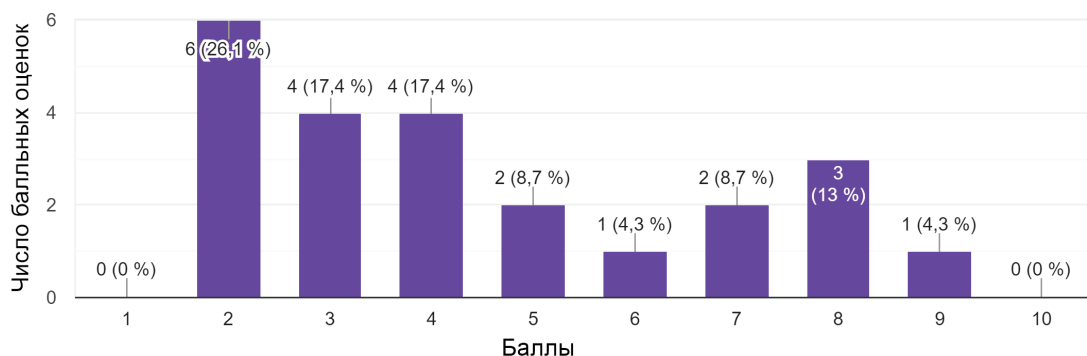

Рис. 1. Формирование каких ценностно-смысловых установок в большей степени поддерживает сложившаяся на сегодняшний день цифровая среда — индивидуалистических или коллективистских? Количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — преимущественно индивидуалистических, 10 — преимущественно коллективистских
 Источник: составлено авторами.

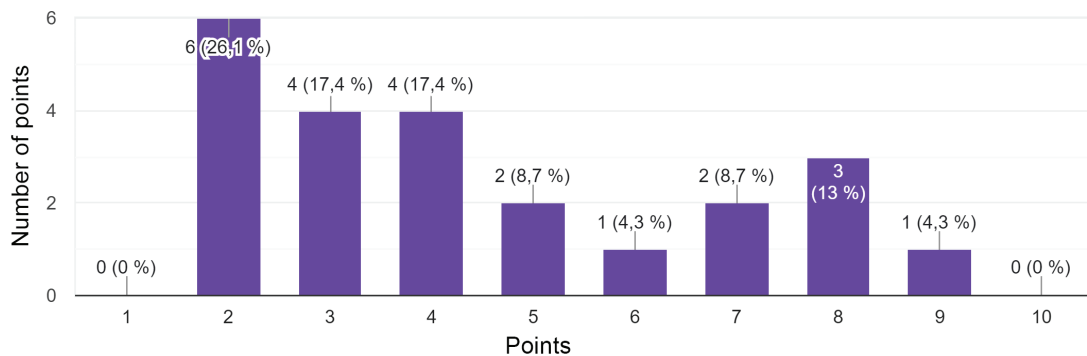

Figure 1. The formation of which value-semantic attitudes is more supported by the today's digital environment — individualistic or collectivist? Assessment from 1 to 10 points: 1 — mainly individualistic, 10 — mainly collectivist
 Source: compiled by the authors.

К наиболее влиятельным цифровым институтам в аспекте влияния на мировоззрение ряд экспертов отнес общественно значимые интернет-платформы и сервисы, к числу которых, в свою очередь, можно отнести глобальные социальные сети (как площадки кластеризации и взаимодействия групп), вики-проекты (подобные «Википедии»), мессенджеры, блог-платформы (сервисы для социальной журналистики), рекомендательные сервисы, поисковики и видеохостинги. По мнению участников исследования, они выполняют функции глобального информационного посредника между людьми, обеспечивая социальную рефлексию.

Что касается общественно значимых интернет-платформ в целом (вне зависимости от своей тематики) — все они неизбежно являются прямо или косвенно участниками социальных отношений, а также внешней и внутренней политики в странах присутствия. В силу своей социальной значимости они не могут самоустраниться от активного участия в формировании и переформировании социополитических ценностей, норм поведения, ритуалов.

Например, пользователь может увидеть в большинстве случаев лишь тот контент, который при помощи непрозрачного алгоритма отобрал для него поисковик. В свою очередь, социальные сети являются эффективным инструментом организации современных сообществ. В социальных сетях человек ежедневно получает информацию, которая алгоритмически «подбирается» под его интересы и потребности на основе анализа пользовательских цифровых следов, либо транслируется рекламодателем (включая рекламодателей политических).

При этом транслируемый контент алгоритмически популяризируется, что оказывает самое непосредственное влияние на мировоззренческие представления субъекта и степень общественного согласия и консолидации общества. Таким образом формируется «информационный пузырь», укрепляющий упрощенное мировоззрение, а также своего рода цифровую многополярность в условиях ангажированности площадок социальных сетей, их зависимости от цифровых элит, контролирующих пространство общественно-политических и социокультурных коммуникаций, а также связи с предпочтениями бенефициаров.

Помимо этого, социальные сети, по мнению ряда экспертов, осуществляют как скрытый, так и явный контроль за содержанием размещаемого пользовательского контента, манипулируя информацией (мягко предлагая темы для обсуждений и дискуссий, подсказывая готовые «правильные» ответы), а также формируют эмоциональную зависимость от процессов цифровой коммуникации.

В свою очередь, влиятельные блог-платформы, имеющие многомиллионные аудитории подписчиков, успешно замещают традиционную журналистику: их главная лента может оказывать влияние на новостную и общественно значимую повестку дня. «Википедия» берет на себя функции формирования исторической памяти и социальных смыслов, а глобальные видеохостинги, управляя в экстерриториальном режиме общественно-политическими трендами, могут мобилизовать протестные настроения и вывести инсургентов на улицы городов, тем самым трансформируя уже не только представления о реальности, но и воздействуя на модели массового и группового поведения.

Также респонденты определили в качестве ключевых цифровых институтов, участвующих в формировании мировоззрения человека и общества, новые политические и цифровые элиты, которые начали формироваться в рамках государственно-частного партнерства в сфере инновационного технологического развития властно-управленческой деятельности, развития государственных публичных сервисов и модернизации военно-промышленного комплекса, а именно — IT и медиакорпорации, ориентированные на создание альтернативных государству виртуальных пространств общественно-политического взаимодействия, инжиниринговые центры, сформированные и функционирующие на базе ведущих университетов и ведущих технологических лабораторий, которые стали влиятельными и относительно независимыми акторами, осуществляющими прогнозирование и проектирование развития цифровой среды и коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, эксперты особо выделили цифровые площадки, сервисы и платформы, посредством которых организуются и реализуются различные цифровые интеракции, продвигается цифровая ценностно-нормативная система, различные режимы безопасности, формы и способы управления поведением пользователей, которые в цифровом пространстве могут одновременно менять свою позицию от зрителя к актеру и режиссеру.

Говоря о цифровых платформах, влияющих на мировоззрение, ряд экспертов обратил особое внимание на необходимость различать платформы как акторов и платформы как среду. Как среда цифровые платформы в формировании мировоззрения никак не участвуют, в формировании мировоззрения интерфейс участвовать не может. Но, выступая в качестве акторов, цифровые платформы разрабатывают *platform affordances* и политику платформы в области ограничения контента на основе законов и деонтологии, понятых собственным способом.

Например, глобальные поисковые сервисы неизбежно выводят вперед одни аспекты исторической памяти и скрывают другие. Неслучайно ряд работ в области проблематизации цифровых процессов как фактора изменения мировоззренческих установок изучают влияние алгоритмических гейткиперов на формирование мировоззрения отдельного человека с помощью управления поисковой выдачей мировоззренческого, ценностно-смыслового, культурного и иного общественно значимого контента.

Как можно заметить, эксперты выделили целый ряд цифровых институтов, функционирующих в современной цифровой среде, отметив как степень влияния на мировоззренческие компоненты современного человека, так и на содержательные аспекты подобного влияния.

Непосредственно с проблемой влияния цифровой среды на мировоззрение человека связаны и отмеченные экспертами риски, угрозы и вызовы цифровизации существующих традиционных систем мировоззрения.

В качестве основного общественно-политического риска, по мнению экспертов, сегодня выступает мировоззренческая деконсолидация современных обществ в развитых странах. Этот феномен, безусловно, существует: были

католики и гугеноты, северяне и южане, красные и белые, интеллигенция и глубинный народ и пр. Однако историческое отличие современной деконсолидации заключается в том, что она имеет шансы стать новой нормальностью. Между тем человек с иным мировоззрением воспринимается как чужой, изгой. Учитывая мозаичность, отчуждение, эфемерность мировоззренческих констант и аксиом, современные общества рискуют столкнуться с массовыми масштабными и скоротечными мировоззренческими кризисами и расколами, экстремальной поляризацией как между обществами, так и внутри самих обществ.

Помимо указанного, эксперты, принявшие участие в исследовании, выделили целый спектр и иных рисков и угроз, связанных с цифровизацией общественной мысли. Ключевыми из них, связанными с трансформацией мировоззренческих структур общества и личности, выступают:

- доминирование постгуманистического мировоззрения, в рамках которого интересы развития цифровых технологий и потребности систем ориентированного машинного обучения становятся доктринально, институционально и практически более значимыми, чем интересы человека, сообщества и социокультурной целостности, где традиционный статус личности сводится до простой активности в сети отношений с иными агентами — роботами, технологиями и различными материальностями (смартфонами, серверами и проч.);
- монополизация технологическими корпорациями публичных и частных сервисов, традиционно реализуемых государством и институтами гражданского общества;
- формирование виртуальных вселенных как основного фактора организации и структуризации человеческих сообществ;
- замещение реальных человеческих отношений и традиционных институтов на цифровой алгоритмический порядок.

При этом цифровые риски и угрозы заключаются в первую очередь в неясной трансформации мировоззрения, особенно у молодежи, под влиянием наиболее активных и агрессивных мировоззренческих позиций, распространяемых в цифровой среде. И здесь необходимо формирование стратегии адаптации: запрещать и тем самым ограничивать цифровое присутствие или начинать более активно работать в цифровой среде, чтобы составить конкуренцию другим мировоззренческим позициям. Однако, согласно ряду экспертных позиций, традиционные общественно-политические системы не способны сегодня противостоять «новым» и «альтернативным» системам мировоззрений, генерируя для этого конкурентный ценностно-смысловой и мировоззренческий контент.

Одновременно с этим необходимо указать еще на одну важную экспертную позицию, согласно которой в цифровом пространстве существует угроза возникновения «информационных стен», а также создания эффекта «спирали молчания». Также уже сегодня можно говорить о риске создания так называемого «*media-driven society*» в его худшем виде.

Для оценки такого риска требуются исследования, подобные исследованиям fake news, которые бы связывали уровень образования реципиента и другие его характеристики со способностью осознавать степень искажения информационного потока и пристрастности, например, новостного агрегатора. Если степень искажения не осознается, то это может приводить к стремительным культивационным эффектам.

Непосредственно с перечисленными угрозами и рисками связана, по мнению ряда экспертов, и такая негативная тенденция, как разрушение культур и заложенных в них традиционных систем мировоззрения. Цифровизация обеспечивает разрушение целостных картин мира, дискредитацию ключевых образов и смыслов, взамен представляя фрагментированный постнарратив, обеспечивая экстерриториальное внедрение в сознание привнесенных извне образов и смыслов; переформатирование ценностной матрицы общества; универсализацию мировоззрения посредством подавления традиционных систем мировоззрения.

Под влиянием процесса цифровизации разрушается система логического мышления человека, а вместе с ней и системы рациональности. Открытость Интернета превратила его в пространство массового насаждения пороков и де-табуизации. Как отмечают участники исследования, цифровая среда плохо приспособлена для долгого сложного обсуждения серьезных проблем, ее отличает бессистемность, фрагментарность знания, отсутствие рефлексии, критического и самостоятельного мышления. Как следствие — атомизация обществ и утрата национально-государственной идентичности.

При этом информации поступает так много и в таком интенсивном режиме, что человек не успевает ее осознать, осмыслить, а доступность огромного массива информации создает у индивида ощущение «всезнания» и уничижительного отношения к образованию и науке. В итоге антициентизм становится важнейшей установкой современного мировоззрения, одновременно превращая человека в удобного потребителя любой фэйковой информации, привлекательными сторонами которой являются новизна, эпатажность, эмоциональность. И традиционные системы мировоззрения, стремящиеся опереться на рациональную сторону сознания, здесь сразу проигрывают.

В итоге, по мнению большинства экспертов, результатом цифровизации могут стать существенное падение уровня массовой политической культуры, распространение массовой общественно-политической безграмотности и инфантильности, снижение качественного уровня дискуссий по общественно значимым проблемам, отчуждение граждан от реальных политических процессов, жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса, активное распространение в цифровой среде массовых стереотипов, предубеждений и предрассудков в формате deep fake, а также повышение степени подверженности общественного сознания манипуляционно-пропагандистскому воздействию, сопровождающееся растворением традиционности, гомогенизацией и маргинализацией индивидов, общественных структур и непосредственно самого общества.

Заключение

По итогам проведенного исследования мы можем констатировать неоднозначность оценки степени влияния цифровой среды на современное мировоззрение, его дизайн и содержательные компоненты. При этом даже среди тех ученых и экспертов, которые придерживаются мнения о значительном влиянии цифровой среды, а также функционирующих в ней институтов, имеются весьма различные позиции, составляющие целый спектр суждений о характере подобного влияния.

Даже характер ценностно-смысловых установок, формируемых и поддерживаемых в цифровом пространстве, оказался для участников исследования неоднозначным. Данная ситуация характерна как для ученых, анализ работ которых был осуществлен в данной работе, так и экспертов, принявших участие в международном экспертном исследовании, проведенном авторами.

Существование такого рода неоднозначной ситуации во многом определяется как сложностью самого феномена цифровой среды, так и интенсивным развитием новых форматов функционирования цифровых институтов, функциональной «мутацией» технологического потенциала применительно к вопросам влияния на современное мировоззрение, недостаточностью академических исследований такого рода влияния (к примеру, интересно экспериментально протестировать возможности Интернета вещей по формированию общественного согласия: создаст ли он «петли» обратной связи между гражданами и политической властью, устанавливающие механизм взаимного влияния, либо заложит завуалированные «политические цепи», при которых политическое влияние будет исходить лишь от одних акторов [Харман 2021: 140–141]).

Тем не менее та часть ученых и экспертов, которая склонна оценивать влияние цифровой среды на ценностно-смысловые и мировоззренческие представления современного человека, формулирует весьма широкий спектр рисков, угроз и вызовов, связанных с интенсивной цифровизацией традиционных сфер жизнедеятельности общества, включая сферу формирования и сохранения традиционных систем мировоззрения, а также обеспечения общественного согласия.

Данное обстоятельство позволяет нам прийти к выводу о необходимости глубоких междисциплинарных исследований учеными и специалистами актуальных процессов эволюции цифровой среды и цифровых институтов в аспекте степени и характера их влияния на мировоззрение современного человека, а также формирования и поддержания общественного согласия в условиях цифровых технологических трансформаций, носящих глобальный и во многом необратимый характер.

Поступила в редакцию / Received: 04.09.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Барышников П.Н. Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 37–54.
- Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37.
- Бернейс Э. Инженерия согласия // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 122–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2013.04.00>
- Винер Н. Кибернетика и общество: [сборник] / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
- Горюнов А.В. Информационные технологии и общество, или Состоятелен ли технологический детерминизм? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–1 (14). С. 54–58.
- Дебрэ Р. Введение в медиалогию / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.
- Деникин А.А. Цифровые медиа и проайретические интерфейсы: о некоторых особенностях партиципаторных коммуникаций // Дизайн СМИ: Тренды XXI века. 2019. № 4. С. 189–196.
- Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфудиновой. М.: АСТ, 2019. 352 с.
- Искусственный интеллект — надежды и опасения: сборник / пер. с англ. В. Желнинова; под ред. Дж. Брокмана. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Карпенко В.Е. Интернет «умных» вещей как аттрактор культуры // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 11–12 (60). С. 103–118.
- Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни: опыт системной диагностики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 336 с.
- Ловинк Г. Критическая теория интернета / пер. с англ. А. Бадоян, Н. Лебедева. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. иск. «Гараж», 2019. 304 с.
- Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
- Манович Л. Язык новых медиа / пер. Д. Кульчицкой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
- Морозов Е.М. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: Corpus, 2014.
- Семенов В.Е. Социокультурная поляризация и общественное согласие в контексте концепции российской полиментальности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 92–100.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Шамаю Г. Теория дрона / пер. Е. Блинов. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
- Cheney-Lippold J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control // Theory, Culture & Society. 2011. Vol. 28. Iss. 6. P. 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
- Ellul J. The technological society. New York: Vintage Books, 1964. 449 p.
- French R.P. Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews // SAGE Open. 2016. Vol. 6. <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588> (accessed: 07.11.2022).

References

- Brockman, J. (Ed.). *Artificial intelligence — hopes and fears*. (2020). Moscow: AST. (In Russian). [Brockman, J. (Ed.). (2019). *Possible Minds: Twenty-five Ways of Looking at AI*. London: Penguin Press].

- Baryshnikov, P.N. (2015). Morphology of a technological fairy tale: Internet of things and social distances. *Sociology of power*, 27(1), 37–54. (In Russian).
- Berdyaev, N.A. (1933). Man and machine (a problem of sociology and metaphysics of technology). *Way*, 38, 3–37. (In Russian).
- Bernays, E. (2013). Consent Engineering. *Polis. Political studies*, 4, 122–131. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2013.04.00> [Bernays, E. (1947). *The Engineering of Consent. Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 250, 1].
- Cheney-Lippold, J. (2011). A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424>. (In Russian).
- Debray, R. (2010). *Introduction to mediology*. [Introduccion a la mediologie]. Moscow: Praxis. (In Russian). [Debray, R. (2010). *Introduccion a la mediologie*. Barcelona: Paidós. 288 p.].
- Denikin, A.A. (2019). Digital media and pro-ai-retic interfaces: about some features of participatory communications. *Media Design: Trends of the 21st century*, 4, 189–196. (In Russian).
- Ellul, J. (1964). *The technological society*. New York: Vintage Books.
- French, R.P. (2016). Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews. *SAGE Open*. Vol. 6. <http://doi.org/10.1177/2158244016628588>. Retrieved November 07, 2022 from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588>
- Goryunov, A.V. (2011). Information technology and society, or is technological determinism consistent? *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 8(14). Part 1, 54–58. (In Russian).
- Harman, G. (2021). *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian). [Harman, G. (2018). *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. New Orleans: Pelican. 336 p.].
- Haven, D. (Ed.). (2019). *Artificial intelligence. What you should know about the coming era of intelligent machines*. Moscow: AST. (In Russian). [Haven, D. (Ed.). (2017). *Machines that think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence*. Kiddle ed. Retrieved November, 11, 2022, from https://www.amazon.com/Machines-that-Think-Everything-intelligence-ebook/dp/B01M4N4B8P#detailBullets_feature_div].
- Karpenko, V.E. (2016). Internet of “smart” things as an attractor of culture. *Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*, (11–12), 103–118. (In Russian).
- Leksin, V.N. (2021). *Artificial intelligence in economics, politics and private life: An experience of system diagnostics*. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Lovink, G. (2019). *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press, Museum of modern. claim. “Garage”. (In Russian).
- Manovich, L. (2017). *Theories of soft culture*. Nizhny Novgorod: Krasnaya Swallow. (In Russian).
- Manovich, L. (2018). *The language of new media*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian). [Manovich, L. (2001). *The language of new media*. Cambridge: MIT Press].
- Morozov, E.M. (2014). *The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom*. Moscow: Corpus. (In Russian)
- Shamayu, G. (2020). *Drone Theory*. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art. (In Russian). [Shamayu, G. (2015). *Drone Theory*. London: Pinguin. 304 p.].
- Semenov, V.E. (2015). Sociocultural polarization and public consent in the context of the concept of Russian polymentality. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 206, 92–100. (In Russian).
- Viner, N. (2019). *Cybernetics and society: [collection]*. Moscow: AST. (In Russian).

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор, ведущий эксперт, старший научный сотрудник кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Печенкин Николай Михайлович — лаборант, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor, Leading Expert, Senior Researcher of the Department of Management of Science-Intensive Industry and Regional Projects of the National Research Nuclear University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Nikolai M. Pechenkin — Laboratory Assistant at the State Academic University of Humanities; Researcher and Lecturer at the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)